

Иваноков Нурби Рашидович, Бижоев Борис Чамалович

ИЗ ИСТОРИИ АДЫГСКИХ (ЧЕРКЕССКИХ) СЛОВ

В статье предпринята попытка установить происхождение ряда адыгских (черкесских) слов, опираясь, в основном, на данные наиболее архаичного бжедугского диалекта адыгейского языка. Некоторые из приводимых слов ранее подвергались этимологическому анализу - по ним предлагаются новые версии. Большая же часть разработана впервые. Авторы считают, что для младописьменных языков при диахронном исследовании основной опорой являются данные диалектов и говоров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 98-101. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.352.3'373.6

В статье предпринята попытка установить происхождение ряда адыгских (черкесских) слов, опираясь, в основном, на данные наиболее архаичного бжедугского диалекта адыгейского языка. Некоторые из приводимых слов ранее подвергались этимологическому анализу – по ним предлагаются новые версии. Большая же часть разработана впервые. Авторы считают, что для младописьменных языков при диахронном исследовании основной опорой являются данные диалектов и говоров.

Ключевые слова и фразы: адыгские (черкесские) языки; бжедугский диалект; исходное значение; морфема; основа; субъект; признак.

Иванов Нурби Рашидович, к. филол. н., доцент

Бижоев Борис Чамалович, д. филол. н.

Институт гуманитарных исследований (филиал)

Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

kbigi@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ АДЫГСКИХ (ЧЕРКЕССКИХ) СЛОВ

По восстановлению исторического прошлого адыгских (черкесских) языков проделано немало работы. И это несмотря на отсутствие у названных языков длительной письменной традиции – ведь историки языка основную опору делают именно на древние документы. Частично эту трудность можно было бы преодолеть за счет родственных языков, однако и здесь адыги обделены – более или менее уверенно можно говорить о генетическом родстве с абхазо-абазинами и убыхами, при этом их материальное сходство доказывается, в основном, на базе считанных общих по происхождению слов. Что касается других групп кавказской семьи языков – нахско-дагестанской и картвельской, то ученые все больше склонны говорить о типологии, а не о родстве.

Таким образом, для этимологии адыгских (черкесских) слов остается фактически один способ – внутренняя реконструкция, т.е. использование данных диалектов и говоров, в которых до сих пор сохраняются многие особенности былого состояния языка. В своих этимологических разработках авторы данной статьи постарались привлечь как можно шире обойденный предшественниками потенциал наиболее архаичного бжедугского диалекта адыгейского языка.

Бжъэу, бжъоу/бжъаб «лось». (В случае фонетических расхождений первой приводится кабардино-черкесская форма, за ней, после косой черты, адыгейская). По мнению А. К. Шагирова, это производное слово, образованное от *бжъэ* «рог» с помощью *-у*. Суффикс *-у* (из *-уы*) означает «имеющее», «содержащее». Одновременно он может указывать на множество, большой размер, массивность. Соответственно, *бжъэу* разъясняется как «имеющий большие (широкие) рога», ср. адыгейское *бжъаб* «многорогое». Словообразовательный суффикс увязывается с глагольной основой *-уы/-уэ*, как в *кълуыи/ккъуыи* [7, с. 89].

Слово действительно производное и образовано оно с помощью суффикса *-уы*, но суффикса не со значением «имеющее», «содержащее», а адективного суффикса *-уы* со значением «имеющий отношение к тому, что названо производящим словом». В этом значении суффикс *-уы* выступает в форме *шыуы* «всадник», буквально «конный». Форма *бжъэуы* значит не «имеющее рога животное», а «рогатое животное». *Бжъэуы* не может разъясняться как «имеющий большие (широкие) рога», потому что лось имеет только один рог, и адыгейское *бжъаб* «лось» – не «многорогое», как предполагал А. К. Шагиров, а животное с одним рогом, ср.: *шъхъабэ* «большеголовый», «голоастый». Словообразовательный суффикс не увязан с глагольной основой *-уы -уэ*, так как в *-уы* в *кълуыи* заключено значение «разливаться» (о реке).

Бжъыхъэ/бжъыхъэ «осень» (В шапсугском диалекте «зима»). Г. В. Рогава членит слово на *бжъы/бжы* и *хъэ*. Первый компонент он сближает с убыхским *бжъэ* «зима», а также с *дзы* в абхазском *а-дзын* «зима». В адыгских и убыхской формах начальное *б* Г. В. Рогава выделяет как окаменелый классный префикс. Что касается корневой части, то, по его мнению, исходный фонетический вид сохранился в шапсугском *бджыхъэ* «зима» [6, с. 17-18].

А. К. Шагиров считает, что в адыгском слове элемент *бжъы/бжы* (*бжъы/бджы*) мог означать «зима» (ср. убыхское *бжъэ* в этом значении). Во второй части он допускал *хъэ* из *хъ(ы)* «несущий» – «несущий зиму», «предвестник зимы», или же *хъэ* из *шъхъэ* «голова», «верх», «начало» [7, с. 92].

В отличие от приведенных толкований, мы пришли к выводу, что в слове *бжъыхъэ/бжъыхъэ* «осень» основа *бжы-* состоит из морфемы *б* со значением «субъект», «носитель признака, действия», морфемы *жы(н)* со значением «рвать» (о рвоте у кого-л.) и *бжы* – значит «рвота», «рвота» самой природы. Конечная морфема *хъэ* в форме *бжъыхъэ/бжъыхъэ* выступает в значении «приносить», «доставлять», «снабжать» и т.д., и форма *бжъыхъэ/бжъыхъэ* в целом значит «время года (осень), щедро снабжаемое “рвотой” самой природы», метафорически – атмосферными осадками.

Бий/пыйы «враг». А. К. Шагиров предполагает здесь тюркское заимствование, сравнивая с татарским *би*, с балкарским *бий* «князь», «вельможа», «господин». Как он отмечает, если учесть данные истории (экспансия султанской Турции и Крымского ханства на Северо-Западном Кавказе в XVI-XVIII вв.), то постулируемое здесь семантическое преобразование нельзя считать чем-то невозможным [Там же, с. 97]. А. И. Абдоков адыгское *бий/пыйы* сопоставляет с убыхским *бэххъэ* (у него приведено как *бикъа*) «враг», «неприятель». Основываясь на несуществующем (насколько удалось выяснить) убыхском материале (*блакъа* «неприятель»),

автор выделяет в убыхской форме суффикс *-кѡа* (*-кѡэ*) со значением «плохой», морфологическим эквивалентом которого признается *й(ы)* в адыгском слове [1, с. 43].

Форма *ппыйы* «враг» в своем образовании восходит к адыгской форме *гъэппэн* «заставить нервничать», «нервировать кого-что (чем)». Приведенный комплект значений, которым характеризуется субъект, а также значение формы *ппыйы(н)* «нервировать», «враждовать» (ср. *гъэппыйын*), образованной от *ппэн* «нервничать» (ср. *дэн/дын* «шить/сшить») и другие аналогичные пары, как нельзя лучше говорят, что имя субъекту – «враг».

Благъ I каб.-черк. «связка (обычно о луке)» – для адыгейского см. *блэр*.

Производное слово типа *бгъагъэ* «постройка», «здание». Образовано от глагола *блэн* «низать», «плести».

Благъ II «ближний», «близкий (не далекий)»; «(дальний) родственник». По А. К. Шагинову, возможна связь с предыдущим словом. В адыгейском последнее могло быть утрачено [7, с. 98]. А. И. Абдоков сопоставляет первую часть лексемы с *блэ* в убыхском *шъуэблэ* (по автору, *шаблэ*) «страна», «родина»; *блэ* толкуется как «родной», а сложение в целом – как «родная земля» [1, с. 43].

Форма *благъэ* состоит из основы *блэ* и суффикса *-гъэ*. *Основа блэ* состоит из *б-* со значением «субъект признака, действия» и *лэ(н)* со значением «сближать», «соединять» (ср. исходную форму *блэн – лэн* со значением «красить», букв. «соединять краску с предметом крашения», и *блэ* в целом значит «близкий»). *Гъэ* в форме *благъэ* представляет собой словообразовательный суффикс со значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим словом», и форма *благъэ* в целом значит «близкий» и обозначает близких по крови людей.

Вабдзэ/цуабзэ «лемех». Как считает А. К. Шагинов, здесь мы имеем сложение основ глаголов *вэн/жъуэн* «пахать» и *бзын* «резать», «разрезать» с переходом в кабардинской форме *з* в *дз* [7, с. 105]. Н. Ф. Яковлев связывает *бдзэ* в *вабдзэ* с *бдзы* «долото», *бдзы-*, *бдзэ-* «долбить» [8, с. 230].

Адыгейская форма *цуабзэ* – одна из составляющих плуга, располагающаяся в самой передней его части и предназначенная для разрезания верхнего слоя земли. Состоит данная форма из *цуэ* «почва» (ср. *чъыгуэр цуэрэцу – цуэрэцуэ зэтельэу шылыгъэ* «земля, слоями друг на друга сложенное создание») и *бзэ* «разрезающая», и форма *цуабзэ* в целом значит «разрезающая верхний слой земли». *Цуабзэ* не лемех. Скорее это предмет, который можно назвать словом «резец». Лемех в адыгейском – *пхъэ/эшишэ лъэгу* (букв. «подошва плуга»).

Вэн/жъуэн I «пахать». А. К. Шагинов предполагает происхождение от *вы/цуы* «вол» (в убыхском *цуы*), сравнивая с абхазским *а-цуагъуара* «пахать», где в первой части *а-цу* «вол». Он считает, что в адыгейском исходный преруптив *цуы* мог перейти в *жъу* через *дзу* [7, с. 106].

Форма *жъуэн* «пахать» значит «взрыхлять для посева, переворачивая пласт земли, сохой, плугом и другими специальными орудиями», т.е. приводить в движение почву. Никакого отношения к значению *жъуэн* «пахать» не имеет форма *цуы* «вол». Вол не рыхлит почву для посева, он только тащит рыхлящее устройство. Рыхлит специальный предмет, созданный для этого. В случае *цуы* > *вы* речь идет только об освоении адыгейского *дзуы* кабардино-черкесским языком, и ничего более. Что касается соответствий *цуы* – *вы*, следует сказать, что это одно из твердо сложившихся в адыгских языках звуковых соответствий. Адыгейскому преруптиву *цуы* в кабардино-черкесском всегда соответствует *в*, и для этого не требуется промежуточное *жъу* (ср. *цуаккъэ/ваккъэ*, *цуабзэ/вабдзэ* «резец», *уыцууын/увын* «стать» и т.д.).

Вэн/жъуэн II «вариться». По А. К. Шагинову, родственно абхазскому *а-жура*, *а-жъура* (бзыбский диалект), абазинскому *жура* «варить», «вариться». Дальше автор перечисляет родственные, по его мнению, адыгской форме *вэн/жъуэн* «вариться» слова из дагестанских языков со значением «печь», «печься», не имеющие с ней ничего общего [Там же].

Адыгская форма *жъуэн* – метафорическое образование, фразеологизм из *жъуэн* «движение», и результат этого движения – «вариться». Варение чего-то как таковое совершается только тогда, когда вода, в которой оно находится, приходит в движение, начинает двигаться. *Лэр жъуэн ригъэжъагъ* «мясо начало вариться» (пример и перевод авторов статьи – Н. И., Б. Б.) говорят только тогда, когда вода, в которой находится мясо, начала двигаться.

Гуывэн/гуыжъуэн «задерживаться», «запаздывать». А. К. Шагинов отмечает созвучие основы с грузинским *gwian* «поздно», *gwianeba* «опаздывать», «запаздывать» [Там же, с. 114].

Форма *гуыжъуэн* «задерживаться», «запаздывать» состоит из *гуы* со значением «субъект признака, действия» и *жъуэ(н)* «находиться в состоянии движения» в значении «возиться с кем-л., чем-л.», и форма *гуыжъуэн* в целом значит метафорически «задерживаться». *Гуыжъуэн* «возиться» → «задерживаться». Существует в адыгских языках вторая форма с тем же значением, что у формы *гуыжъуэн*, которая звучит в виде *лъэжъуэн*, обозначающая задерживающегося из-за возни с домашними делами, с делами по дому. Показателем того, что речь идет о домашних делах, является однокоренное с *лъахэ* «родина, родимый край» *лъэ*, которое присутствует в форме *лъэжъуэн*.

Гуызэвэн/гуызэжъуэн «беспокоиться», «волноваться». Форма *гуызэжъуэн* значит «субъект» (*гуы*), *зэ* («который»), *жъуэн* («кипеть»), метафорически – «беспокоиться», «волноваться». Предложенное А. К. Шагиновым толкование формы *гуызэвэн/гуызэжъуэн* «волноваться», «беспокоиться» как *гузэв(ы) / гузэжъу(ы)* «узкое сердце» [Там же, с. 116] не может быть принято потому, что эта форма (*гуызэвы/гуызэжъуы*) не может выступать в виде *гузэвэн/гузэжъуэн*, так как у этих форм (*гуызэв* и *гуызэвэн*) разные значения – *гуызэвы/гуызэжъуы* означает «узкое сердце», *гуызэвэн/гуызэжъуэн* – «субъект, который кипит». *Гуызэжъуэн* метафорически нужно понимать как «волноваться», «беспокоиться», *гуызэвын/гуызэжъуын*, восходящее к *гуызэвы/гуызэжъуы* «узкое сердце», – бессмыслица, не укладывающаяся в нормы ни одного из адыгских языков. Ср. невозможность образования таких форм как *лэгуызэжъуы* «волнуется», *гуызэжъуыгъэ* «беспокойство» и т.д.

Осетинская форма *гуызавэ* – то же самое, что адыгское *гуызавэ/гуызажъуэ* [2, с. 14]. Точно так же абхазское *а-гужважэва*, абазинское *гужважэва* «беспокойство», «волнение», «спешка» и убыхское *жэважэвэ* формы, усвоенные из адыгских языков.

Гъаблэ «неурожай», «голод». А. К. Шагилов членит на *гъэ* «год» и *блэ*. Вторую часть он связывает абхазско-абазинским *а-мла/мла* «голод» [7, с. 122].

Для толкования так называемой «второй части» нет никакой необходимости для обращения к абхазско-абазинской форме *а-мла/мла* «голод», поскольку обе части формы *гъаблэ* являются только адыгскими и толкуются на адыгском языковом материале свободно. Не следует забывать и того, что номинативная единица какого-либо языка не может состоять из морфем разных языков. *Гъэ* на кабардино-черкесском языке значит астрономический «год». В этом («астрономический год») значении *гъэ* никогда не выступает в адыгейском языке, но выступает в виде некоторого метафорического переосмысления в значении «год», ср. в адыгейской поговорке *хъэм, гъэм сынэсымэ, мэшишы ситэн, ыгуагъ* «собака, доживу до лета, посею просо, сказала». Стабильно адыгейское *гъэ* значит «лето». В этом («лето») значении *гъэ* выступает в форме *гъаблэ* «голод». Вторая часть формы *гъаблэ* – *блэ* восходит к *блэн* со значением «гореть», «горение», а форма *гъаблэ*, состоящая из *гъэ* «лето» + *блэ* «горение», в целом значит «голод», буквально «спаленное, сгоревшее лето», потому что сам «голод» – результат этого сгорания урожая от засухи.

Абазинское *гъабля* «голод» из кабардино-черкесского.

Гъавэ/гъажьэу «хлеба (в зерне, на корню)», «урожай зерновых» (каб.-черк.), «просо в зерне» (адыг.) – в шапсурском диалекте семантика как в кабардино-черкесском [4, с. 95]; в других адыгейских диалектах и в литературном адыгейском *лэжыгыгъэ*; для проса (в зерне) в кабардино-черкесском *хуы*. По предположению А. К. Шагилова, из *гъэ* «год» и основы глагола *вэн/жъуэн* «пахать» в субстантивном значении – «годовое пахание», «годовое возделывание земли». «Исходную семантику слово сохранило, надо думать, в кабардинском», – пишет он [7, с. 122].

Нельзя согласиться с А. К. Шагиловым в том, что исходную семантику слово сохранило в кабардино-черкесском, потому что среди слов, с помощью которых толкуется форма *гъавэ/гъажьэу*, нет ни одной не адыгейской. Исходную форму сохранил адыгейский язык, где форма *гъажьэу*, состоящая из *гъэ* «весна» + *жъуэ* «вспашка», значит «весенней вспашки», «(зерно) весенней вспашки».

Гъатхэ «весна». По А. К. Шагилову, в первой части *гъэ*, но не в смысле года, а в устаревшем значении «лето», вторую же часть (*тхэ*) он соотносит с *тхы* анатомический «хребет» [Там же, с. 123].

Форма *гъатхэ* состоит из *гъэ* «лето» и основы *тхэ*, которая, в свою очередь, состоит из морфемы *т* со значением «субъект», «носитель признака, действия» и *хэ* со значением «движение», и форма *тхэ* в целом значит «струя» (ср. *ытхэн* «струить», «струиться»). Форма *гъатхэ*, состоящая из перечисленных выше морфем, может быть истолкована как «струи лета в окружающем воздушном пространстве».

Гъэмахуэ/гъэмаф «лето». Состоит из *гъэ*, восходящего к кабардино-черкесскому *гъэгъэн* «цвети», адыгейскому *ккъэгъагъ* «цветок» и значащего «цветение», и формы *махуэ/мафэ* «день» в значении «время», и форма *гъэмахуэ/гъэмаф* в целом значит «время цветения природы» в самом широком смысле, т.е. «лето».

Гъэпчыны/гъэпскыны/гъэпчыны «купать». А. К. Шагилов считает верной этимологию, предложенную А. Койперсом: каузативный префикс *гъэ* + сращение *псы* «вода» с глагольной основой *-члэ* (*-кльэ* из **-кльэ*), (ср. *йы-члэ-н* «вливать», «лить внутрь») [Там же, с. 83]. А. И. Абдоков сближает *-пчыны*, *-пскыны* с убыкским *клуэбэ* (у автора *пшкьлуэбэ*), абхазо-абазинским *а-кьуаба-кьуаба* «купать», «обмывать» [1, с. 63].

Адыгейская форма *гъэпчыны* значит «купать кого-л.», буквально «избавлять кого-л. от нечистот извне» (ср. *тегъэчыны* «избавиться», «удалить»). Таким образом, каузативная форма *гъэпчыны* восходит не к *гъэпчыны* и не к *гъэпскыны*, а к бжедугской форме *гъэпчыны*. В этом нет никакого сомнения. Основа *псы* «вода», введенная в кабардино-черкесскую и темиргоевскую формы, представляет собой перестраховочный материал, достаточно частый при освоении той или иной формы.

Гъейыны/гъэйэн «громко оплакивать (умершего)». В первой части А. К. Шагилов видит основу глагола *гъын* «плакать». Вторую часть он разъясняет как суффиксальный элемент с усилительным значением (ср. *бзаджеж* «очень хитрый», *шыуей* «лихой наездник»), который восходит к лексеме *йэ* «зло», «плохое» [7, с. 130].

Для разъяснения второй части формы *гъейыны/гъэйэн йэ(н)*, которая квалифицируется А. К. Шагиловым как суффиксальный элемент с усилительным значением, приводятся несколько форм, ни одна из которых не может сочетаться с *гъэ* «плакать» для образования формы *гъэйэн* «оплакивать». Более того, *гъэ* «плакать» не может сочетаться с *йэ(н)* в значении «совершать действие по значению производящего слова», т.е. «совершить плач». Форма *гъейыны/гъэйэн*, как показывает анализ слов, должных значить «громко оплакивать (умершего)», не имеет этого значения на самом деле. В образовании формы со значением «громко оплакивать (умершего)», к тому же, не было никакой необходимости, поскольку существовало и существует сегодня слово *хъэдагъэ*, которым обозначается ритуал «плач по покойнику». По нашему – «несчастье», и форма *гъэйэн* значит «фиксировать как несчастье, беда» и оплакивать как таковое.

Жейыны/ччъыйэн «спать»; «засыпать». Немного ранее нами была опубликована несколько иная версия происхождения данного слова [3, с. 101]. Адыгская форма *жейыны/ччъыйэн* состоит из *же/ччъы* «сон» и *йы(н) / йэ(н)* «вершить» и в целом значит буквально «вершить сон» т.е. «спать», «засыпать». Названное значение («спать», «засыпать») формы *жейыны/ччъыйэн* является ее исходным значением. От этой («спать», «засыпать») формы образуется метафорическое, фразеологическое *ччъыйэн* со значением «охватываемый, охваченный сном как таковым», иначе – «сонный», ср. *ччъыйэр ккъытеуагъ* «сон накинудся на кого-то», но не «спящий», как можно думать и предполагать. Конкретные значения формы *жейыны/ччъыйэн* устанавливаются в соответствии с формой, в которой она выступает.

Мэлачлэ (мэлачлэр) обычно употребляется с глаголом *лагъэ*. *Мэлачлэ лагъэ* «проголодался, -лась». Форма, о которой идет речь здесь, состоит из двух слов – *мэлачлэ* и *лэн*. *Лэн* в форме *мэлачлэ лэн* значит «жаждать». Слово *мэлачлэ* состоит из *мэ* со значением «субъект», *лэ* со значением «еда» (ср. *гъуэмылэ* с *лэ*

в значении «еда») и *члэ* «новый». Форма *мэлачлэ лэн*, состоящая из названных морфем, в целом значит «субъект, жаждущий еды новой», иначе «субъект проголодавшийся». Кабардино-черкесская форма *мэжэлэн* является метатезой формы *мэлачлэ лэн*.

Пишат (Пишадэ) – название принадлежит поселку, горе, ущелью, перевалу и речке между Геленджиком и Архипо-Осиповкой. Слово «*пишадэ*» некоторые производят от абхазо-адыгского *псы* и чисто абхазского *апишадэ* «безветрие». Другие в топониме *Пишадэ* видят несколько видоизмененное двухсоставное слово *пицэ* + *ды*, где *пицэ* означает «облако», «туман» и *ды* «застилать», т.е. «кутанное туманом место». К. Х. Меретуков предполагает, что наименование местности образовалось путем слияния следующих двух основ: *Пицэ(й)* + *дэ*, *Пицэ(й)* «чинара», *дэ* – общее название всех видов ореха, –и его нужно воспринимать как «лес, в котором произрастают чинара и орехи» [5, с. 219].

Исходная форма анализируемого гидронима – *пишат*, состоящая из *п* со значением «субъект признака, действия» и корневой морфемы *-шишэ* (однокоренной с *шишэ* – «красться» в форме *шишаклуэ* «охотник»), значит «красться», «пробираться тайком, стараясь быть незамеченным». Форма *Пишат* с суффиксом *т(э)* в целом значит «крадущаяся», форма, образно выражающая вид течения самой реки *Пишат*.

Уылэ (Улька) – небольшая степная речка, берущая начало в лесистых предгорьях Майкопа. К. Х. Меретуков считал, что по данным адыгейского языка гидроним не расшифровывается, и предполагал, что слово *ул* тюркского происхождения и означает «Благотворная вода» [Там же, с. 256-257].

Гидроним *Уылэ* состоит из корневой морфемы *уы* со значением «разливаться» (см. *ккы-уы(н)* «разлиться») и суффикса *лэ* со значением «совершать чрезмерно часто то, что названо производящим словом» (см. *лэуал* «попрошайка»). Форма *Уылэ* в целом значит «Разливная».

Щымахуэ/чымаф «зима». Форма *чымаф* состоит из морфемы *чы* и основы *маф(э)*. Морфема *чы* одного корня с *чы* в форме *пчын*, состоящей из морфемы *п* со значением «субъект», «носитель действия, признака» и корневой морфемы *чы* со значением «линять» и значащей в целом «полинный», «полинный». Форма *чы* в форме *чымаф* значит «полинный», «отцветший» и обозначает «полинное время года», растительный мир которого не подает никаких признаков жизни в течение всей зимы. Основа *мафэ* в форме *чымаф(э)* выступает в той же функции, в какой она выступает в форме *гьэмаф(э)* (см. выше).

Авторы намерены и в дальнейшем продолжать работать в избранном направлении, поскольку набранный опыт убедил в перспективности используемой методики для этимологии адыгских (черкесских) слов. С большой уверенностью можно утверждать, для исследователей всех младописьменных языков путь одинаков – это глубокое всестороннее изучение диалектов и говоров и реконструкция на этой базе праязыка на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Список сокращений

адыг. – адыгейское
букв. – буквальный перевод
каб.-черк. – кабардино-черкесское

Список источников

1. Абдоков А. И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 81 с.
2. Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 128 с.
3. Иваноков Н. Р., Бижоев Б. Ч. Адыгские (черкесские) этимологические этюды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 101-103.
4. Крашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957. 148 с.
5. Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Качество, 2003. 424 с.
6. Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгейских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во Академии наук Груз. ССР, 1956. 154 с.
7. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1. 290 с.
8. Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 372 с.

FROM THE HISTORY OF ADYGHE (CIRCASSIAN) WORDS

Ivanokov Nurbi Rashidovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Bizhoyev Boris Chamalovich, Doctor in Philology

Institute for Humanities Research (Branch)

of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

kbgi@mail.ru

In the article the attempt to establish the origin of a number of Adyghe (Circassian) words, relying, basically, on the data of the most archaic Bzhedug dialect of the Adyghe language, is made. Some of the given words were earlier subjected to the etymological analysis, and the new versions on these words are proposed. The greater part of the research material has been considered for the first time. The authors believe that for the languages having recently acquired a written form in the diachronic study the data of dialects and patois are the main basis.

Key words and phrases: the Adyghe (Circassian) languages; Bzhedug dialect; initial meaning; morpheme; basis; subject; attribute.